ПИНЧУК ЕВГЕНИЙ

ТАЙНАЯ РОССИЯ

История магии от древней Руси до наших дней

Евгений Пинчук
Тайная Россия

https://litres.ru/74731432
SelfPub; 2026

Аннотация

Что связывает заговор на бересте, деревенский оберег, спиритический сеанс, телевизионное «исцеление» и гадание в телефоне? Меняются эпохи — остаётся желание защитить близких, объяснить беду и заглянуть в будущее.

«Тайная Россия» — путешествие по истории магии и верований от древней Руси до наших дней. Волхвы и христианизация, колдовские обвинения Московского государства, крестьянские обряды, оккультные увлечения империи, советский быт, эзотерический бум девяностых и цифровые предсказания складываются в историю людей перед лицом неизвестности.

Через человеческие судьбы, вещи и тексты Евгений Пинчук показывает, как возникало доверие к обладателям тайного знания и почему старые обычаи получали новые объяснения. Это не сборник заклинаний, а исторические очерки о страхе, надежде, памяти и поиске защиты.

Содержание

Оглавление 8
От автора 11
Пролог. Что шепчут в России 14
Часть I. До крещения 17
Глава 1. Прежде чем появилась Русь 17
Земля многих соседей 18
Обещание перед лицом смерти 19
Что остаётся от невидимого 20
Работа и обращение за помощью 21
Чужой взгляд 22
Глава 2. Боги о которых осталось слишком мало 24
Бог который обеспечивает клятву 25
Волос и Велес 25
Мокошь и вопрос о женском опыте 26
Каменный столб из реки 27
Поэт обращается к старым именам 29
Боги государства и боги местности 30
Глава 3. Волхв и право объяснять беду 31
Кто знает скрытую причину 31
Как беда получает лицо 32
Волхв перед князем 33
Предсказание и память 34

Глава 4. Огонь вода дерево и камень 36
Место которое помнят 36
Чем действует огонь 37
Две стороны воды 38
Дерево и человеческое время 38
Остановка у большого дуба 39
Стрела, пережившая своих изготовителей 40
Дар и обязательство 42
Глава 5. Мёртвые рядом с живыми 44
Один наблюдатель у большого костра 44
Что говорит могила 45
Предок и опасный покойник 46
Сон как встреча 47
Разговор на кладбище 48
Вещи оставшегося человека 49
Что меняет крещение 50
Часть II. Крещёная Русь 52
Глава 6. Крещение и долгая перемена мира 52
Христиане прежде общей даты 52
Как меняется повседневное действие 54
Что означает двоеверие 54
Новые способы искать помощь 55
Голос обличителя 56
Поучение с долгой рукописной жизнью 57
Крест найден и крест не найден 58
Новое имя и прежний страх 59

Глава 7. Как устроен заговор 61
Короткая просьба и длинная легенда 61
Михей которого просили избавить от трясовицы 62
Рассказ прежде приказа 63
Имя которое надо повторить 64
Словесная дорога 65
Как сравнение превращают в действие 66
Исполнитель и слушатель 67
Зачем слову нужна вещь 67
Когда отдельные слова собирают в книгу 69
Не только тайна смысла 70
Глава 8. Святые в повседневной жизни 72
Пятница и женская работа 72
Лошадиный праздник 73
Никола заглядывает в амбар 74
Илья меняет лето 76
Покровительство и замещение 77
Чудо в соседней деревне 78
Просьба и договор 78
Не перечень услуг 79
Глава 9. Запретные книги 81
Письменное слово как вещь 81
Что считают запретным 82
Гром превращается в строку 83
Когда название наконец получает текст 84

Почему книга отвечает даже молча 85
Ошибка которая становится тайной 86
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Евгений Пинчук
Тайная Россия

Тайная Россия
История магии от древней Руси до наших дней
Исторические очерки

Оглавление

Пролог. Что шепчут в России 6
Часть I. До крещения 8
Глава 1. Прежде чем появилась Русь 8
Глава 2. Боги о которых осталось слишком мало 12
Глава 3. Волхв и право объяснять беду 16
Глава 4. Огонь вода дерево и камень 19
Глава 5. Мёртвые рядом с живыми 23
Часть II. Крещёная Русь 27
Глава 6. Крещение и долгая перемена мира 27
Глава 7. Как устроен заговор 32
Глава 8. Святые в повседневной жизни 38
Глава 9. Запретные книги 43
Глава 10. Защитить тело защитить дорогу 47
Часть III. Московское царство 50
Глава 11. Кто становился колдуном 50
Глава 12. Порча как объяснение беды 53
Глава 13. Колдовство перед судом 57
Глава 14. Государь и невидимая угроза 62
Глава 15. Дом и его невидимые хозяева 65
Часть IV. Империя 70
Глава 16. Год по народному календарю 70
Глава 17. Любовь свадьба и семейная судьба 78
Глава 18. Знахарство между опытом и верой 83

Глава 19. Бестиарий русской деревни 86
Глава 20. Столицы вызывают духов 90
Часть V. Магические миры народов России 96
Глава 21. Север и Поволжье 96
Глава 22. Ислам амулеты и народная практика 101
Глава 23. Сибирь шаман и его сообщество 105
Глава 24. Буддийские регионы и местные духи 111
Часть VI. СССР 116
Глава 25. Революция против старого мира 116
Глава 26. Бабушка которая знала слова 119
Глава 27. Приметы советского человека 122
Глава 28. Телепатия гипноз и границы науки 126
Глава 29. Легенды о секретной науке 131
Глава 30. Перестройка чудо выходит в эфир 133
Часть VII. Девяностые 138
Глава 31. Когда привычный мир перестал работать 138
Глава 32. Маг по объявлению 142
Глава 33. Книжный развал как школа тайного знания 145
Глава 34. Деньги риск и личный талисман 148
Глава 35. Древность которую собирают заново 151
Часть VIII. Современная Россия 156
Глава 36. Экстрасенс как медиаперсонаж 156
Глава 37. Городская ведьма и новая повседневность 161
Глава 38. Россия цифровых предсказаний 165
Глава 39. Страх утрата и спрос на чудо 169
Глава 40. Во что верит человек который ни во что не верит

172
Эпилог. Право на тайну 174
Приложение 1. Хронологические ориентиры 176
Приложение 2. Словарь 178
Приложение 3. Персонажи и пространства 180
Приложение 4. Предметный указатель 181

От автора

У каждого времени есть собственный способ спрашивать о неизвестном. Возле больного произносят слова, в священном месте оставляют дар, раскрывают книгу, просят посредника о знаке. Изменяются имена, предметы и объяснения. Человек по-прежнему хочет понять, почему с ним случилась беда и что он способен сделать.

Эта книга состоит из исторических очерков о верованиях и практиках на пути от раннесредневековой Восточной Европы к современной России. В центре — конкретные вещи, тексты и человеческие истории: семья, провожающая в дорогу, пастух, отвечающий за чужое стадо, придворная мастерица, собиратель фольклора, зритель телесеанса, человек перед экраном телефона. Через них прослеживается, как менялись способы искать защиту, объяснять беду и узнавать будущее.

Общее слово «магия» помогает начать разговор, но не заменяет собственных названий традиций. Молитва в священной роще, буддийский обряд и платное гадание не становятся одним явлением из-за того, что внешний наблюдатель поместил их под общей обложкой. В каждом случае важно, как участники понимают происходящее и какой результат обещан.

Древняя Русь также не равна современной России с пе-

ренесёнными назад границами. Её история принадлежит нескольким народам и странам. В общую российскую историю вошли самостоятельные культуры Поволжья, Кавказа, Сибири и других регионов. Их встреча меняла всех участников, иногда через обмен, иногда через принуждение и тяжёлые потери.

Источники дошли неравномерно. У нас нет полной книги дохристианских волхвов. Есть письменные свидетельства, предметы, следы сооружений, поздние записи и сравнительные исследования. В последующих эпохах документов становится больше, но остаются вопросы к их происхождению: кто говорил, кто записывал, чего хотел добиться.

Эти вопросы не должны заслонить сам рассказ. Поэтому основные различия оговорим здесь один раз. Описание верования не подтверждает его сверхъестественного механизма. Судебное обвинение не устанавливает действительность порчи. Современная реконструкция не становится древней только от многократного повторения. Для каждого утверждения важны дата, место и основание.

Условные бытовые сцены обозначены как авторские. Они помогают представить обстановку. Художественные произведения рассматриваются как литература, а исторические свидетельства — с учётом времени и обстоятельств их появления.

В магической истории достаточно красоты, чтобы не украшать её выдуманной достоверностью. Есть ритм слова,

превращающий тревогу в обращение; предмет, который человек носил возле тела; дерево, к которому несколько поколений знали дорогу. Есть также обвинения, насилие, злоупотребление доверием. Одна история необходима другой, если мы хотим увидеть людей целиком.

Путешествие начнётся с дороги. Она соединит и эпохи книги, и человеческие заботы: уйти, выдержать неизвестность, найти помощь, вернуться.

Пролог. Что шепчут в России

Авторская сцена.

Такси уже приехало. На телефоне горит номер машины, водитель ждёт у соседнего подъезда. Паспорт лежит в сумке, билеты сохранены, чемодан стоит возле двери.

— Сядем на дорожку.

Отец опускается на край дивана, дочь садится на табурет. Мать оглядывает комнату и тоже находит место. Несколько секунд никто не торопит другого. Потом встают.

Если спросить каждого, что только что произошло, ответы могут различаться. Нужна пауза. Так положено. Бабушка всегда просила. На удачу. Времени на подробный разговор нет — водитель звонит снова.

На лестнице дочь вспоминает зарядный провод. Возвращается, забирает его со стола. Перед выходом мать говорит: «В зеркало посмотри». Девочка усмехается, но смотрит.

В этой семье обсуждают новости, пользуются современной медициной, спорят о работе приложений. Ни один участник сцены не обязан признавать особое магическое мировоззрение. Но некоторые действия кажутся настолько привычными, что отсутствие объяснения не мешает их повторять.

Обычай способен пережить собственную биографию. Передаётся движение, а рассказ о его причине меняется. Нынешнее объяснение не обязательно было первым. Иногда но-

вое поколение сохраняет привычку из любви к человеку, от которого её получило. Иногда опасается последствий нарушения. Иногда просто не видит причины отказываться.

Так невидимое входит в жизнь без торжественного объявления. Для этого не всегда требуется видение, посвящение или тайная книга. Достаточно маленького сомнения: всё ли я сделал, чтобы было хорошо?

Между этим сомнением и уверенностью в чужом колдовстве лежит большое расстояние. Нельзя назначить одинаковый смысл семейной паузе и обвинению, из-за которого наказывают соседа. Но следить за переходами необходимо. Желание защитить может стать источником поддержки. Может превратиться в обязанность, от которой страшно отказаться. Может привести к человеку, который начнёт продавать освобождение от страха.

Семья выходит во двор. Отец поправляет ручку чемодана, мать ищет номер машины, дочь проверяет маршрут. После всех примет дорога остаётся настоящей: с расписанием, погодой, усталостью и необходимостью беречь друг друга.

Почти всё в этой сцене изменилось бы, перенеси мы её на тысячу лет назад. Другое жилище, другая дорога, другие способы считать время. Но ожидание ухода узнаваемо. Кто-то отправляется туда, где его не смогут защитить близкие. Кто-то остаётся ждать. Между ними — предмет, слово или действие, которым поручили больше, чем они способны сделать сами по себе.

От этой человеческой ситуации и начнём.

Часть I. До крещения

Глава 1. Прежде чем появилась Русь

Реку слышно прежде, чем её видно. За деревьями шумит вода, а тропа уже становится мягче: под ногами лежит влажная земля, в корнях задержалась прошлогодняя листва. Там, где берег удобен для причала, чужой человек может появиться без предупреждения. Он приходит по той же воде, по которой уходят свои.

Для человека раннего Средневековья река была дорогой, местом работы и границей. Чтобы понять верования этого мира, полезно сначала представить его повседневность. Лодку нужно построить и сохранить. Сети — изготовить и починить. Найденный брод может исчезнуть после дождей. Зимой путь сокращается по льду, но тот же лёд способен провалиться. Среда ежедневно предлагает возможности и ежедневно напоминает, что не подчиняется человеческому желанию.

Мы привыкли видеть Россию сверху, на карте. Взгляд человека, жившего здесь до возникновения знакомых государственных границ, был иным. Мир складывался из достижимых мест: поселения родственников, участка леса, удобного берега, пашни, торжища. За пределами этого круга начина-

лись земли, о которых знали по чужим рассказам. Их могли населять вполне реальные люди, наделённые в пересказе невероятными обычаями.

Рассказ о дальней дороге превращался в знание для тех, кто никогда по ней не ходил. Так же передавалось предупреждение о неудобном месте: здесь исчез человек, здесь неожиданно заболели, сюда не следует идти одному. У такого знания могли быть практические основания, религиозное объяснение, семейная память. Для участника они не обязательно существовали отдельно.

Земля многих соседей

Восточная Европа не была пустым пространством, ожидавшим появления единого народа. Здесь жили сообщества с разными языками, хозяйственными навыками и связями. Славянские группы соседствовали с балтскими и финно-угорскими; степь открывала пути к тюркским мирам; северные водные маршруты связывали внутренние территории с Балтикой. Эти обозначения помогают ориентироваться, но не превращают каждое поселение в аккуратный цветной участок этнографической карты.

Граница между «своим» и «чужим» могла проходить по языку, родству, вере, подчинению определённой власти. В разных обстоятельствах важным становился разный признак. Пришлый торговец был чужим по происхождению и

знакомым по многолетним встречам. Женщина, вышедшая замуж в другое поселение, переносила туда навыки, слова и привычки. Ребёнок усваивал их, не проводя исследование происхождения каждого действия.

Поэтому обмен верованиями не обязательно выглядел как торжественное принятие чужого учения. Можно было перенять способ пожелать удачи, попросить соседского специалиста о помощи, сохранить подаренный предмет. Передача совершалась вместе с торговлей, браком, переселением и пленом. Власть и насилие тоже участвовали в культурных встречах; изображать их одной мирной беседой было бы неверно.

Не менее важно помнить о масштабе времени. Даже сто лет — несколько поколений, за которые меняются поселения и привычные маршруты. Выражение «в древности верили» скрывает эту длительность. Когда мы говорим о дохристианских обычаях, речь идёт не о единственном вечере перед крещением, а о многих человеческих жизнях.

Обещание перед лицом смерти

Один из ранних письменных взглядов на славянский мир принадлежит Прокопию Кесарийскому, византийскому автору VI века. В «Войне с готами» он пишет о славянах и антах, почитающих бога — создателя молний, а также реки и других существ, которых описывает знакомым ему слова-

рём. При приближении смерти люди, по его словам, обещают жертву в случае спасения и затем исполняют обещанное.

Религиозное действие здесь имеет последовательность: опасность, обязательство, благополучный исход, исполнение. Спасённый должен не просто испытать благодарность, а отдать обещанное. Между настоящей угрозой и будущей возможностью действовать возникает связь.

Однако Прокопий не сообщает имени бога молнии в этом месте. Приравнять его к Перуну можно как сравнительную интерпретацию, но нельзя незаметно вписать имя в сам документ. Не следует также принимать его «нимф» за установленное самоназвание существ местной традиции. Автор переводит чужой мир на язык собственных понятий.

Свидетельство предшествует княжеской Руси на несколько столетий и относится к другой исторической обстановке. Его значение в том, что оно позволяет увидеть ранний способ обращения за помощью, а не получить готовый обрядовый справочник для всех последующих славян.

Что остаётся от невидимого

Большая часть действий не оставляет различимого археологического следа. Произнесённое у воды слово исчезает вместе со звуком. Если человек обошёл дерево трижды, это почти невозможно установить спустя тысячелетие. Если он положил возле него пищу, остатки могут не сохраниться или

оказаться неотличимыми от обычного приёма еды.

Археолог работает с тем, что уцелело: слоями земли, конструкциями, следами огня, костями, предметами. Он выясняет, находились ли вещи в первоначальном положении, что лежало рядом, как менялось использование участка. Интерпретация обряда требует особенно большого внимания к окружению находки. Один и тот же предмет допускает несколько биографий.

Представим подвеску без владельца. Она могла быть куплена, изготовлена дома, унаследована, взята как добыча. Её носили открыто или под одеждой. Она обозначала достаток, принадлежность к группе, красоту, защиту. Некоторые значения совместимы. Но если ни положение находки, ни сравнения не позволяют выбрать между ними, честное описание должно сохранить несколько возможностей.

Работа и обращение за помощью

Современное противопоставление «либо работали, либо колдовали» плохо подходит для описания прошлого. Человек мог приложить весь доступный труд и одновременно выполнить обряд, от которого ожидал благополучия. Обращение к невидимому не обязательно заменяло хозяйственный расчёт; оно могло начинаться там, где расчёт не давал уверенности.

Земледелец знает, что надо подготовить землю и сохра-

нить семена. Но он не выбирает весенние заморозки. Рыбак умеет обращаться с лодкой, однако не управляет внезапным ветром. Родственники помогают роженице, но не могут гарантировать исход. Разница между усилием и гарантией становится пространством надежды.

Обряды отвечали на эту зависимость от погоды, болезни и случая. Их конкретный облик приходится восстанавливать по немногим сохранившимся следам.

Чужой взгляд

Письменные сведения часто оставлены людьми, для которых описываемые сообщества были чужими. Наблюдатель выбирал необычное, сравнивал с привычным, мог зависеть от переводчика. Иногда он понимал последовательность действий лучше их смысла. Иногда осуждение мешало понять и то и другое.

Но отказаться от такого источника из-за его пристрастности — значит потерять редкую возможность услышать эпоху. Важно задавать ему точные вопросы. Что автор действительно мог видеть? Что передаёт со слов других? Где кончается описание и начинается объяснение? Какими знакомыми понятиями он переводит незнакомый обычай?

В X веке Ахмад ибн Фадлан встретил на Волге людей, названных русами. Его описание вошло в число важнейших письменных свидетельств о регионе. Сам факт этой встре-

чи напоминает: события будущей российской истории уже тогда были включены в большой мир торговли, дипломатии и религиозных контактов. К его рассказу о погребении мы вернёмся отдельно.

На берегах реки менялись люди и языки, но необходимость объяснять происходящее сопровождала каждого. В следующих главах появятся имена богов, предсказатели, священные места. Пока достаточно запомнить основу: невидимый мир существует для нас в следах вполне земной жизни — в вещи, рассказе, запрете и действии человека, который надеялся вернуться домой.

Глава 2. Боги о которых осталось слишком мало

В летописном рассказе о Киеве появляется деревянный Перун с серебряной головой и золотыми усами. Даже короткое описание действует сильно: дерево, металл, поднятое над городом изображение. Мы легко дорисовываем площадь, людей, дым. Чем выразительнее получившаяся картина, тем важнее заметить, какую её часть действительно сообщил источник.

«Повесть временных лет» под 980 годом перечисляет поставленных Владимиром кумиров: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. Эти шесть имён стали одной из основных опор при изучении княжеского язычества. Однако летописный перечень не сопровождается полным рассказом о происхождении и обязанностях каждого божества. Мы читаем христианское повествование о прошлом, дошедшее через историю переписывания.

Содержание источника и наше желание узнать больше постоянно расходятся. Нам хотелось бы получить знакомую мифологическую систему: происхождение богов, их родство, историю сотворения мира, распределение власти. Сохранившиеся свидетельства не дают заполнить все эти разделы. Тем интереснее проследить, что можно сказать без выдуманного продолжения.

Бог который обеспечивает клятву

Связь Перуна с клятвой особенно существенна для понимания власти. Обещание между людьми нуждается в обеспечении. За его нарушение могут последовать месть, потеря доверия, имущественная расплата. Обращение к божественному свидетелю добавляет наказание, которое мыслится не зависящим от обычного человеческого контроля.

Клятва делает невидимое участником политического действия. Её сила заключается и в том, что другие слышат обязательство. Если обещание нарушено, общество получает способ объяснить дальнейшее несчастье. В таком случае религиозная и общественная стороны работают вместе.

Волос и Велес

Имена Волос и Велес знакомы читателю по самым разным книгам. В популярных изложениях образ расширяется до покровителя скота, богатства, поэзии, магии, мёртвых и всех скрытых знаний. Между тем каждое дополнение имеет собственный путь обоснования.

Если текст называет Волоса скотьим богом, надо сначала установить смысл слова в контексте, а затем уже обсуждать более широкие связи. Историческая семантика может оказаться сложнее современного первого впечатления. Не сле-

дует подменять работу с источниками красивой ассоциацией: «скот означает достаток, значит, бог обязательно распоряжается всяким богатством».

Сравнительная мифология предлагает интересные модели отношений громовержца и его противника, верхнего и нижнего пространства, порядка и опасности. Это исследовательские инструменты. Они помогают объяснить совокупность данных, но не превращаются в найденную древнерусскую священную книгу. Читатель вправе знать, когда перед ним прямая запись, а когда учёная реконструкция.

У современного Велеса есть и другая, вполне реальная биография. Его изображают художники, ему посвящают литературные произведения, вокруг его имени строят новые обрядовые формы. Эта история принадлежит современности и заслуживает изучения на собственных основаниях.

Мокошь и вопрос о женском опыте

Мокошь занимает особое место в известном летописном перечне. Интерес к ней часто связан с желанием увидеть в древней религии женский труд, телесность, прядение и судьбу. Такие вопросы важны: без них прошлое превращается в мир одних воинов и князей.

Женщины прошлого не становятся видимее от того, что мы приписываем одному божеству все современные ожидания. Их жизнь можно восстанавливать и другими путями:

через устройство хозяйства, украшения, погребения, письменные упоминания, семейные отношения. История религии выигрывает от такого соседства с социальной историей.

Каменный столб из реки

Один из самых узнаваемых памятников, связанных со славянским язычеством, нашли не в Киеве и не в Новгороде. В 1848 году из реки Збруч у Лычковцев на Подолье, на территории нынешней Украины, извлекли каменное изваяние. Мечислав Потоцкий передал его Краковскому научному обществу; 12 мая 1851 года оно прибыло в Краков. Сегодня памятник хранится в Краковском археологическом музее.

У известнякового столба четыре стороны и три горизонтальных пояса изображений. Наверху расположены соединённые головы под общим подобием шапки; различимы фигуры и предметы, в том числе рог, кольцо, оружие и конь. Музейная интерпретация предлагает видеть в композиции устройство мира: верхнюю божественную область, земной средний пояс и поддерживающую нижнюю фигуру.

У этой композиции огромная сила наглядности. Она словно обещает дать то, чего недостаёт летописному перечню, — увидеть устройство целого космоса. Вертикаль можно охватить взглядом, четыре стороны соединены одним камнем, разные фигуры занимают определённые места. Но переход от этого наблюдения к именам требует отдельного обоснова-

ния. На фигурах нет подписей «Перун», «Мокошь» или «Велес», позволяющих просто прочитать готовую систему.

Даже привычное название «Световид» или «Святовид» не является найденной на камне надписью. Оно принадлежит истории истолкования предмета. Присвоив имя, мы начинаем рассматривать изображения через него: ищем подтверждение известному по другим источникам образу. Это удобный путь, но он способен скрыть различия между западнославянскими свидетельствами и историей Руси.

Судьба памятника после находки сама стала историей культуры. В 2021 году музей устроил выставку «Другой Световид», где центральное место заняла гипсовая форма, сделанная Валерием Элиашем в 1858 году. Выставка показывала, как образ изваяния вошёл в названия, художественные работы и общественные символы. Она прямо ставила и спорный вопрос о возрасте памятника — древнее ли это святилищное изображение или значительно более поздняя вещь.

Здесь нельзя подменять спор кратким вердиктом без исследования аргументов. Однако уже сама музейная постановка вопроса полезна: один предмет способен иметь надёжно известную историю с середины XIX века и обсуждаемую историю до находки. Художники и зрители наделяют его значением при любом ответе на вторую часть. Копия 1858 года, например, совершенно реальна как свидетельство интереса XIX столетия к славянской древности.

Поэт обращается к старым именам

Другая важная дорога ведёт не к изваянию, а к слову. В «Слове о полку Игореве» Боян назван Велесовым внуком, ветры — внуками Стрибога, появляется и обозначение Даждьбожьего внука. Эти выражения принадлежат поэтическому языку: значение родства здесь нельзя понимать столь же буквально, как в родословной.

Эти строки показывают, что старые имена оставались выразительными: через них можно было говорить о певце, природной силе, судьбе людей. Но поэтическая связь и культовая должность бога не тождественны. Слово «внук» не выдаёт нам свидетельство о буквальном родстве и не составляет профессионального перечня обязанностей божества. Поэзия умеет придавать миру родственные отношения, не превращаясь от этого в богословский справочник.

Для нашей книги важен и сам способ сохранения. Религиозная практика может измениться, а имя остаться в языке образов. Последующие читатели затем вернутся к этому имени, чтобы восстановить практику. Получится встречное движение: то, что прежде помогало выразить переживание, теперь само нуждается в историческом объяснении. Древняя литература здесь не менее ценна, чем вещь из раскопок, но сообщает о другом.

Боги государства и боги местности

Княжеское установление изображений не следует принимать за перепись всех верований. Власть может стремиться объединить символы, укрепить собственный центр, изменить порядок публичного почитания. Что при этом происходит в небольшом поселении вдали от столицы, требует отдельных свидетельств.

Различие между публичным и домашним не означает полного разрыва. Человек мог участвовать в общем действии и сохранять местную привычку. Он мог считать одни обращения значимыми в военном походе, другие — возле больного животного. Мы не обязаны ожидать от него готового богословского объяснения согласованности этих практик.

Сама идея пантеона привычна нам по учебникам античной мифологии. Перенесённая без оговорок, она побуждает искать одинаково стройную структуру в любой культуре. Но разные общества организуют религиозную жизнь неодинаково. Нехватка удобной таблицы ещё не означает отсутствия сложных отношений с сакральным.

Глава 3. Волхв и право объяснять беду

Когда еды не хватает, вопрос о причине перестаёт быть отвлечённым. Он решает, что делать завтра и кто должен отвечать за сегодняшнюю беду. Одно объяснение велит экономить, другое — уходить, третье указывает на виновного. Человек, которому верят, способен направить не только мысли, но и действия других.

Летописный рассказ под 1071 годом соединяет голод, деятельность волхвов и насилие. В нём появляются женщины, которых обвиняют в сокрытии припасов, и княжеский представитель Янь Вышатич. Подробности повествования исследуются историками, в том числе в связи с правовыми нормами эпохи. Из этого сюжета нельзя извлечь беспристрастный портрет дохристианского духовенства. Но он позволяет поставить очень земной вопрос: что происходит, когда бедствующее общество принимает чужое объяснение за разрешение на расправу?

Кто знает скрытую причину

Обозначение «волхв» объединяет в источниках различные представления об особом знании. За ним могут стоять предсказание, религиозный авторитет, обрядовое дей-

ствие, способность толковать происходящее. Мы не располагаем списком должностей с описанием обязанностей, который позволил бы уверенно распределить все упоминания.

Поэтому современный образ волхва как непременно седого мужчины в белой одежде уже представляет выбор. В нём соединились литература, живопись, исторические представления и новые религиозные потребности. Если читатель ждёт только такого персонажа, источник может его удивить: вместо мирного мудреца он встретит участника конфликта, а вместо подробного обряда — спор о власти.

Особое знание действует через признание. Невидимую причину невозможно показать каждому так же, как повреждённую лодку. Посредник объявляет, что имеет к ней доступ. Остальным приходится решать, доверяют ли они его происхождению, прежним результатам, уверенности, рассказам окружающих.

Это решение может быть разумным в пределах доступной человеку информации и всё же ошибочным по результату. Люди прошлого не знали всего того, что известно сегодня. Но и сегодня уверенность специалиста иногда принимают за достаточное основание там, где требуется проверка. Именно поэтому история волхва не замыкается в древности.

Как беда получает лицо

Случайность не вступает в переговоры. Неурожай не обе-

щает исправиться после наказания виновного. Объяснение через злую волю предлагает более понятную схему: кто-то отнял положенное благополучие, следовательно, его можно вернуть, устранив действие этого человека.

Такая схема особенно опасна, если общество уже разделено конфликтами. Прежняя ссора становится мотивом, необычное поведение — признаком, недавняя встреча — моментом воздействия. Даже отсутствие явных следов иногда объясняют особой хитростью вредителя. Тогда возможность оправдаться сужается.

Летопись сохранила обвинение и последовавшее насилие. Женщины появляются в ней уже названными виновницами; их собственного рассказа мы не слышим.

Именно здесь история магии встречается с историей ответственности. Слова об особом знании имеют последствия для тех, кто не соглашался участвовать в обряде и не выбирал быть частью чужого объяснения. Вокруг предполагаемой тайной силы возникает совершенно открытое насилие.

Волхв перед князем

Когда в спор вмешивается представитель власти, сталкиваются разные способы устанавливать порядок. Один опирается на признание особого знания, другой — на полномочия, принуждение и существующие нормы. Но и власть не находится вне религиозных представлений своего времени.

Она способна отвергать одних посредников и поддерживать других.

Летописец также занимает сторону. Он знает, какое толкование считает истинным, а какое опасным. Читая его, нельзя полностью избавиться от этой рамки: сам отбор событий уже ею определён. Вместо попытки получить «чистый факт» полезнее установить, какие слои мы различаем: событие, рассказ о событии, оценку автора, позднейшее прочтение.

Подобная внимательность не превращает всякое свидетельство в недостоверное. Пристрастный человек может сообщить точную деталь. Но связь детали с широким выводом должна оставаться предметом анализа.

Предсказание и память

Судьба пророчества часто решается после события. Если случившееся напоминает обещанное, рассказ сохраняют. Если нет — забывают, уточняют или объясняют иначе. Мы встречаемся с уже отобранной памятью, в которой удачное предсказание имеет больше шансов дойти до потомков.

Литературный сюжет дополнительно усиливает закономерность. Герой слышит предупреждение, пытается избежать опасности и тем самым приближается к ней. Такая история замечательно показывает человеческое отношение к судьбе, но её выразительность не служит проверкой факти-

ческой точности прорицателя.

Поэтому известные рассказы о вещих людях следует читать и как произведения повествовательной культуры. В них общество обсуждает пределы знания: можно ли узнать свой конец, помогает ли предупреждение, способен ли сильный человек подчинить будущие события.

После крещения слово «волхв» продолжало жить. Для одних оно называло врага истинной веры, для других — мудреца или поэта-пророка. Поздние образы отдалялись от людей, встреченных в летописных рассказах. Там волхв стоит перед князем, обращается к толпе, называет виновника беды; рядом всегда находятся те, чья жизнь зависит от принятого объяснения.

Глава 4. Огонь вода дерево и камень

Сакральное место не всегда отличается внешним величием. Источник может быть небольшим, камень — не выше человеческого колена, дерево — похожим на соседние. Разница открывается в поведении: сюда приходят в определённый день, здесь оставляют дар, рядом запрещают ругаться или ломать ветви.

Так пространство получает особый режим. Человек меняет голос, движение, одежду, порядок действий. Даже тот, кто не разделяет веры участников, способен заметить эту перемену. Но чтобы понять её, нужно знать, кто установил правило и как его объясняют.

Место которое помнят

Обычная дорога содержит личные ориентиры. Здесь провожали, здесь нашли потерянное, здесь однажды едва не погиб родственник. Повторяемый рассказ закрепляет значение участка. Сакральная история также способна привязаться к месту и передаваться вместе с маршрутом.

У некоторых точек есть публичная память. Сюда приходят несколько семей; здесь совершают общее действие; за порядком следит определённый человек. Другие остаются частными: значимыми для одного рода или отдельного вла-

дельца. Ни величина объекта, ни красота пейзажа не позволяют заранее определить его место в культуре.

Когда исходный рассказ исчезает, место иногда сохраняет запрет. Позднее запрет получает новое объяснение. Так возникает трудная для историка последовательность: действие старше дошедшего до нас рассказа, но точный возраст действия неизвестен. Соблазн немедленно объявить его дохристианским особенно велик — и особенно нуждается в основаниях.

Чем действует огонь

Огонь преобразует вещество на глазах. Сырой материал становится пищей, древесина — углём, вещь — пеплом. Он способен согреть и уничтожить, защитить от холода и стать причиной гибели. Благодаря этой наблюдаемой силе огонь легко участвует в символическом действии.

Общий костёр меняет также отношения присутствующих. Вокруг него можно собраться, отметить переход, разделить пищу, сделать видимым участие. Приписываемая ему очистительная сила существует в конкретном объяснении, а общественное объединение наблюдается в устройстве события. Эти стороны могут сосуществовать.

Когда современный фестиваль воспроизводит «древний костёр», следует спросить, что именно он воспроизводит: запись определённого обряда, научную реконструкцию или

новое художественное действие. Каждый ответ допускает интересное событие, но даёт ему разную историческую биографию.

Две стороны воды

Вода уносит предмет за пределы досягаемости. Положенное на землю ещё можно найти; брошенное в глубокую реку часто исчезает окончательно. Поэтому водное пространство удобно для представления о передаче, удалении, расставании. Но найденный в воде предмет не становится жертвой автоматически: его могли потерять, спрятать, выбросить или смыть с берега.

Источнику придают значение ещё и устойчивость, качество воды, связь с определённой историей. Люди узнают дорогу, очищают подход, приносят сосуд. Вокруг воды возникает труд обслуживания святыни, который легко не заметить за рассказом о чуде.

Дерево и человеческое время

Дерево переживает человека и одновременно меняется у него на глазах. На нём заметны сезоны, повреждения, возраст. Оно способно стать свидетелем нескольких семейных поколений без всякого письменного документа. Эта особенность помогает понять привлекательность дерева как опоры

памяти.

Но конкретные представления различаются: одно дерево посвящено божеству, другое связано с умершим, третье — с рассказом о необычном событии. Нельзя составить один словарь, в котором каждый вид обязательно имеет одинаковое значение на всей территории и во все эпохи.

То же касается запрета рубить. Он может относиться к особой роще, отдельному дереву, определённому времени или принадлежности участка. Для участника основание священно; для власти оно может быть вопросом владения; для хозяйства — сохранением ресурса. Исследование должно различать эти уровни, не сводя их к одной заранее выбранной функции.

Остановка у большого дуба

В девятой главе трактата «Об управлении империей» Константин Багрянородный описывает путь росов по Днепру к Константинополю. Путникам приходится проводить лодки через пороги, переносить груз и опасаться нападений печенегов. После одной из опасных частей пути они достигают острова Святого Григория. Здесь, возле большого дуба, автор помещает жертвоприношение: пища, стрелы и петухи; о судьбе птиц бросают жребий.

Это редкий случай, когда обряд расположен внутри последовательного рассказа о дороге. Дуб не возникает посре-

ди отвлечённого перечня «священных деревьев». Он встречает людей после труда и риска. Остановка имеет телесную цену: нужно добраться, причалить, собрать принесённое.

Источник не называет адресата приношения. Поэтому привычное желание поставить возле дуба имя конкретного бога остаётся гипотезой, а не переводом прочитанного. Остров обычно связывают с Хортицей, но от этого нельзя перейти к отождествлению описанного дерева с любым позднейшим знаменитым дубом. У места и отдельного живого растения разные возможности долговечности.

Днепровский эпизод показывает соединение пути, дара и выбора. Практическое преодоление опасности не отменяло обращения к невидимому; обряд, в свою очередь, не отменял необходимости переносить лодки и выставлять охрану.

Стрела, пережившая своих изготовителей

В Историческом музее хранятся кремнёвые наконечники из Волосовского клада, найденного в 1910 году во время раскопок под руководством В. А. Городцова. За много столетий до появления профессиональных археологов люди находили каменные изделия в земле и называли их громовыми стрелами, связывая с необычной силой.

Кремень обладает выразительным сочетанием признаков. Он природный, но форма наконечника явно не случайна:

есть остриё, края, следы обработки. Найденная в поле вещь выглядит сделанной, хотя изготовившего её человека никто не помнит. Перед нашедшим возникает задача объяснить предмет, для которого нет места в знакомом хозяйстве.

Один ответ помещает его в историю людей: прежде жили иначе, пользовались другим оружием. Другой связывает с небесным событием: вещь пришла с громом. В первом случае необычность создаётся расстоянием во времени, во втором — расстоянием между землёй и небом. Материал одинаков, но культурное назначение меняется вместе с объяснением происхождения.

Подобные стрелы хранили у знахарей и использовали как амулеты; у некоторых делали отверстие для подвешивания, другие заключали в металлическую оправу. Вера в громовые стрелы осуждалась в Кормчих книгах и «Домострое». В 1731 году «Санкт-Петербургские ведомости» напечатали отдельное рассуждение, противопоставлявшее небесному происхождению объяснение через старинное оружие.

Смена объяснения не обязана сразу менять отношение владельца. Учёный может рассказать, кто изготовил наконечник, а семья — продолжать помнить, что он принадлежал бабушке и помогал в трудный год. Археологическая древность и семейная ценность не спорят о возрасте камня; они отвечают на разные вопросы. Магическая же функция возникает тогда, когда вещи приписывают способность воздействовать на исход события.

Особенно интересно, что человек каменного века не обязан был вкладывать в наконечник тот смысл, который получит находка через тысячелетия. Создание орудия и превращение его в оберег — два разных исторических действия. Между ними могла оборваться вся прямая передача знания. Новая традиция в таком случае не сохраняет первоначальное объяснение, а создаёт своё вокруг сохранившегося предмета.

Так природный мир и человеческое прошлое оказываются в одной главе. Земля возвращает вещь, но не возвращает вместе с ней инструкцию по пониманию. Каждое последующее общество выбирает доступный ему язык: небесная стрела, семейная защита, археологический памятник. Для хорошего музейного описания важно удержать эти биографии рядом и не сделать одну задним числом содержанием другой.

Дар и обязательство

Принести вещь — значит отдать часть труда. Пища требует приготовления, ткань изготовления, металл обработки. Даже малое подношение может быть значительным для небогатой семьи. С этой стороны обряд представляет материальную биографию надежды.

Действие способно также создавать обязательство на будущее. Человек обещает вернуться после благополучного исхода, семья поддерживает посещение места, община пе-

редаёт порядок следующему поколению. Отношение к сакральному оказывается включено в календарь и хозяйство.

Природное место превращается в культурное не потому, что утрачивает природу, а потому, что вокруг него возникает человеческая история. У воды продолжают расти травы, камень нагревается на солнце, дерево сбрасывает листья. Люди узнают в этих переменах что-то относящееся к собственной жизни и возвращаются, пока есть кому помнить дорогу.

Глава 5. Мёртвые рядом с живыми

О погребении знают прежде всего оставшиеся в живых. Они выбирают место, готовят тело, собираются, распределяют вещи, произносят слова. Даже там, где воля умершего известна, исполнение принадлежит другим. Поэтому могила рассказывает нам и о том, кого похоронили, и о тех, кто продолжил жить.

Смерть меняет практический порядок. Кто будет кормить семью? Кому достанется инструмент? Кто займёт оставленное место? Одновременно появляется трудный вопрос о самом исчезнувшем человеке: где он теперь и сохраняются ли отношения с ним? В разных системах верований ответы различаются, но связь бытового и мировоззренческого остаётся заметной.

Один наблюдатель у большого костра

Ахмад ибн Фадлан, прибывший в Волжскую Булгарию в 922 году в составе посольства, оставил рассказ о встреченных русах и погребении знатного человека. Известность этого описания чрезвычайно велика. Но оно относится к конкретной встрече в конкретных обстоятельствах, а не к каждому жителю будущей России.

В рассказе соединяются подготовка тела и имущества, ко-

рабль, погребальный огонь и убийство зависимой женщины. Для современного читателя последний эпизод особенно тяжёл. Нельзя превращать его в красивую деталь героического прошлого: обрядовый смысл, приписанный действию, не отменяет насилия над человеком.

Мы зависим от передачи источника и взгляда наблюдателя. Это требует осторожности в восстановлении мотивов участников, но не даёт права просто убрать неудобную часть из повествования. Если история магии говорит только о мудрости и гармонии, она теряет людей, за счёт которых иногда поддерживался объявленный порядок.

Описание привлекало художников и писателей; поздняя картина способна сделать его почти зрительным воспоминанием для человека, не читавшего сам источник. Здесь важно ещё раз различить свидетельство и созданный по его мотивам образ. У живописца есть задачи композиции и впечатления, у историка — происхождения и проверки сведений.

Что говорит могила

Погребальный инвентарь помогает изучать общество, но не читается как прямая стенограмма веры. Если возле умершего лежит оружие, возможны разные объяснения: статус, память, обрядовое назначение, представление о дальнейшем существовании. Их соотношение выясняют по комплексу данных.

Отсутствие богатых вещей также неоднозначно. Оно может быть связано с имущественным положением, обычаем, ограблением, плохой сохранностью. Вывод «ничего не положили, следовательно, не верили в загробную жизнь» был бы слишком быстрым.

Даже изменение формы похорон не обязано совпадать по времени с полной сменой убеждений. Общине могут предписать новый порядок; человек может принять его искренне, частично или по необходимости. Другие участники понимают те же действия по-своему. Поэтому материальные следы и письменные сведения следует сопоставлять, сохраняя возможность несовпадений.

Предок и опасный покойник

В позднем восточнославянском фольклоре умершие неодинаковы. О предках могут говорить как о тех, кого следует помнить и поминать. Возвращение некоторых покойников, напротив, представляется опасным. На рассказ влияют обстоятельства смерти, репутация, порядок погребения и местная традиция.

Эти материалы относятся к времени и месту записи. Они не позволяют заполнить ими молчание любого раннего захоронения. Но они помогают поставить широкий вопрос: почему общество различает допустимое присутствие умершего и пугающее нарушение границы?

Желанное присутствие поддерживает связь. Умершего вспоминают в подходящий момент, обращаются к оставленному примеру, сохраняют вещь. Опасное возвращение нарушает порядок: появляется не вовремя, требует невозможного, пугает живых. В одном случае память помогает продолжать жизнь, в другом — прошлое будто бы не позволяет ей продолжиться.

Сон как встреча

Сновидение особенно важно, потому что в нём умерший может выглядеть живым и говорить знакомым голосом. Проснувшийся человек переживает встречу как личный опыт, а затем ищет объяснение в доступном ему языке культуры. Это может быть память, знак, просьба, предупреждение.

Один и тот же сон способен получить разное толкование у родственников. Кто-то предлагает помянуть, другой вспоминает прежний обычай, третий объясняет переживание горем. В таком разговоре общество помогает человеку разместить личный опыт в общей картине мира.

Историк может исследовать толкования и последствия, не объявляя доказанным буквальное посещение со стороны умершего. Эта позиция позволяет услышать рассказ без насмешки и при этом не подменять переживание утверждением о внешнем механизме.

Разговор на кладбище

Чтобы увидеть, как отношения с умершими развивались позднее, перенесёмся из раннего Средневековья в этнографически описанный крестьянский быт. Радуница — пасхальное поминовение, время которого различалось по местностям. Родственников приглашали к трапезе, сообщали им о домашних радостях и бедах; встреченных на кладбище людей могли угощать за помин души. Поминовение включало не только плач, но и радостную встречу.

В этом обычае ясно видно, что «быть рядом» не обязательно значит пугать. Умерший получает место в семейной новости. Ему можно рассказать о том, что произошло после его ухода; через обращение к нему живые ещё раз рассказывают об этом и друг другу. Нынешняя семья подтверждает связь с теми, кто уже не может ответить обычным способом.

Существовали и различия: одни местности допускали шумное веселье, другие осуждали его; поминальная трапеза могла проходить не на кладбище, а дома. На Урале описано полотенце, спускаемое из окна как предполагаемый путь для душ. Эти варианты не складываются в обязательный для всех порядок.

Полотенце выразительно именно как домашняя вещь. Оно не уничтожает стену между домом и внешним пространством, но делает пересечение мыслимым. У отношения

появляется материальная опора: можно увидеть, где приготовлен путь, понять, что гостя ждут. В предыдущей главе мы говорили о местах, к которым возвращаются живые. Здесь домашнее пространство само открывается для ожидаемого возвращения.

Такой материал не расшифровывает напрямую погребение X века. Между ними — принятие христианства, местные изменения, много поколений семейной жизни. Но сопоставление показывает устойчивость самой человеческой задачи: смерть прекращает обычное общение, тогда как потребность говорить остаётся. Культура создаёт время и место, где этот разговор считается уместным.

Различие между уместным и пугающим возвращением поэтому может проходить не по признаку «умерший появился». Значение имеют обстоятельства: ждали ли его, наступил ли нужный день, сопровождает ли встреча установленное поминовение или нарушает сон и домашний покой. Граница устроена через отношения, а не только через разделение двух миров.

Вещи оставшегося человека

После похорон остаются одежда, посуда, инструмент, недоделанная работа. С ними приходится что-то решить. Сохранить — значит принять постоянное напоминание. Отдать — изменить связь вещи с домом. Уничтожить — совершить

действие, которое может восприниматься как утрата во второй раз.

Правила обращения с вещами умершего помогают справиться с этими решениями. Они дают срок, последовательность, дозволенное объяснение. Но внутри одной семьи правило может стать предметом спора. Родственники помнят человека по-разному, поэтому и материальную память хотят устроить неодинаково.

Иногда вещь превращается в защитную: она была с умершим, принадлежала сильному или любимому человеку, пережила опасность. Такое значение может появиться спустя время, а не входить в первоначальное назначение. У предмета возникает новая биография.

Что меняет крещение

Христианство приносит определённые представления о посмертной участи, молитве, воскресении и помощи умершим. Оно меняет смысл действий и устанавливает границы допустимого. Но сами задачи живых — похоронить, помнить, продолжить хозяйство, выдержать горе — остаются.

Именно поэтому изменение погребальной культуры нельзя описать одним указом. Оно проходит через семьи, специалистов, местные условия. Где-то быстрее меняется внешняя форма, где-то язык объяснения. Конкретная история требует конкретных свидетельств.

Мёртвые остаются в книге не как неизменная тайная армия прошлого. Они присутствуют в обязанностях, вещах, именах и рассказах живых. Обращение к ним способно утешать, а страх перед ними — подчинять. Следующие эпохи предложат новые способы поддерживать этот разговор, от молитвы до спиритического стола. Его человеческое начало уже здесь: кто-то ушёл, а другим необходимо научиться жить после этого.

Часть II. Крещёная Русь

Глава 6. Крещение и долгая перемена мира

Для исторической памяти удобно, когда большая перемена имеет дату. Можно открыть календарь, отметить событие, отделить время до него от времени после. Крещение Руси связывают с 988 годом. Но календарная граница не означает, что на следующий день все семьи одинаково понимали новую веру и одинаково устраивали жизнь.

Надо было построить храмы, подготовить людей, способных служить и учить, освоить новые тексты и правила. Менялись отношения брака и родства, способы объяснять смерть, календарь общих действий. Разные местности входили в эту перемену с неодинаковым опытом. Даже в одном доме поколения могли понимать происходящее по-разному.

Христиане прежде общей даты

Крещение Владимира не было первым знакомством жителей Руси с христианством. Княгиня Ольга приняла крещение с именем Елена ещё в середине X века. Основой при-

вычного рассказа о Владимире служит «Повесть временных лет», свод начала XII века, опирающийся в том числе на предания. Крещение князя в Корсуни датируют 988/989 годом.

Таким образом, перед нами не пустая территория, на которую вера впервые пришла одним днём. Были личные обращения и связи, затем произошло княжеское решение, получившее общественное значение, а после него продолжалось освоение новой религиозной жизни. Эти процессы связаны, но не совпадают по длительности и по участникам.

Для нашей темы особенно важно, что новое определяло не только адрес молитвы. Менялось само различие между допустимым и запретным обращением к невидимому. Человек мог продолжать искать защиты, но должен был учиться тому, какую помощь признаёт церковь и почему прежний посредник больше не имеет права её обещать. Религиозная перемена создавала новые способы действия и новые возможности обвинения.

Когда возникает запрет, прежнее действие получает иную биографию. То, что семья могла считать порядком предков, обличитель называет заблуждением. В следующем поколении запрет уже известен и включён в понимание обычая: делать приходится скрытно, объяснять иначе, выбирать другого исполнителя. Сохранение практики в таких условиях — не простое отсутствие изменений. Меняется её положение среди других действий.

Как меняется повседневное действие

Религиозная перемена проходит через простые решения. Что сказать возле больного? Как хоронить? Куда идти за помощью? Можно ли соблюдать обычай, которому научила мать? Человек не обязательно ставит вопрос о совместимости двух законченных мировоззрений. Он пытается сделать правильное в конкретной ситуации.

Представим семью, принимающую новое религиозное объяснение. Это условная ситуация, а не восстановленная биография. Одни прежние действия перестают казаться допустимыми, другие сохраняются как обычай, третьи получают новое обращение. Сам участник может переживать происходящее как искреннее изменение веры, даже если внешний наблюдатель замечает сходство отдельных жестов.

С этой стороны сохранение формы не доказывает сохранения прежнего смысла. Человек может посетить тот же источник по новому основанию. Может оставить привычную вещь, понимая её иначе. Исторический рассказ должен спрашивать не только «что делали?», но и «кому и почему это адресовали?».

Что означает двоеверие

Слово «двоеверие» давно стало удобным способом опи-

сывать соединение христианских и иных представлений. Оно напоминает, что принятие религии не стирает всю повседневность. Однако при неосторожном употреблении создаёт образ двух одинаково ясных наборов правил, между которыми человек постоянно переключается.

Для самого участника картина могла быть другой. Если он обращался к Богородице в тексте, который поздний исследователь классифицирует как заговор, то мог считать своё действие христианским. Священник мог оценивать его иначе. Различие является частью религиозной жизни, а не помехой, которую следует устранить одним определением.

Поэтому важнее описать конкретный случай, чем сразу присвоить ему название. Какие слова произнесены? Кто научил? Что ожидали получить? Как оценивали действие другие? На этих вопросах становится видна реальная повседневная религия.

Новые способы искать помощь

Христианство принесло собственный язык обращения к невидимому. Молитва, обет, почитание святых, посещение святыни давали человеку возможности действовать в беде. Они были включены в учение о Боге, спасении и человеческой ответственности, а не только в расчёт на желаемый результат.

При этом практическое ожидание могло становиться

очень сильным. Человек хочет, чтобы больной выздоровел, путник вернулся, хозяйство сохранилось. Отказ принять иной исход порождает напряжение между просьбой о помощи и попыткой получить гарантированное средство. Эта граница становится заметной в церковной критике суеверий.

Историк не вправе заранее назвать магическим любое религиозное действие, которое связано с телесной или хозяйственной нуждой. Само желание здоровья не определяет понимания молитвы. Важно, предполагает ли участник свободное обращение или безусловную силу правильно выполненной процедуры.

Голос обличителя

Проповедь и поучение сохраняют сведения о действиях, которые автор хотел прекратить. Но список запретов не является статистикой. Текст мог переписываться, включать привычные формулы, повторять тревоги прежних поколений. Чтобы оценить распространённость обычая, одного осуждения недостаточно.

С другой стороны, обличение показывает, какие границы считались существенными. Опасным могло быть обращение к неподобающему посреднику, толкование примет, ношение определённых предметов. Власть слова здесь принадлежит уже тому, кто объясняет, какие действия законны перед Богом.

Это не простой конфликт грамотного человека с неграмотным. Знаток мог пользоваться письменной формулой, а священник — жить в тесной зависимости от местных ожиданий. Разногласия проходили через разные группы и иногда через сознание одного человека.

Поучение с долгой рукописной жизнью

Один из часто привлекаемых памятников — «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере». Оно направлено против осуждаемых религиозных обычаев, но его история сложнее одного выступления перед паствой. Известны краткая и пространная редакции, многочисленные списки. Время возникновения остаётся спорным: предлагались датировки от домонгольского периода до XIV века. Неясно и то, в какой мере перечни языческих богов могли расширяться при переписывании.

Рукописная множественность меняет способ чтения. Если взять все подробности из разных версий и представить их как единую картину одного года, получится событие, которого источник не описывает. Текст жил: его переписывали, помещали в сборники, могли приспосабливать к новому читателю. Для церковного автора повторение старого предостережения было способом сохранять верный порядок. Для историка та же повторяемость затрудняет ответ на вопрос, что именно происходило вокруг очередного переписчика.

Однако за долгой жизнью текста видна вполне конкретная общественная задача. Нужно было не только назвать неправильное, но и научить узнавать его. Поучение давало слова для оценки чужого и собственного поведения. Поэтому оно участвовало в перемене мира даже тогда, когда не сообщало ничего нового о местных обрядах.

Сами названия памятников напоминают о позиции говорящего. «Ревнитель по правой вере» — не этнограф, равномерно описывающий обычаи соседей. Его интересует исправление. Если в его тексте действию уделено много места, это не обязательно означает, что оно было самым распространённым. Возможно, оно представлялось особенно опасным, вызывало спор или удобно объяснялось через уже известный пример.

Крест найден и крест не найден

Другой ряд свидетельств лежит не в проповедях, а в земле. Сохранились ранние кресты, в том числе вырезанные из серебряных монет; позднее распространялись и более простые формы. Многообразие изделий, находки литейных форм и брака XII–XIII веков позволяют говорить уже не только о привезённых единичных предметах, но и об изготовлении христианских вещей.

Литейная форма помогает представить распространение иначе, чем княжеское распоряжение. Вещь нужно заказать

или купить, изготовить, передать владельцу. Для мастера новый знак становится частью ремесла, для семьи — частью обращения с телом, одеждой, памятью. Изменение религиозной среды видно в работе мастерской не меньше, чем в торжественном рассказе.

Но отсутствие креста в отдельной могиле не даёт столь же простого отрицательного ответа. Нужно учитывать нормы обращения со святынями и неодинаковое устройство погребений. Нехватка христианских предметов среди погребального инвентаря сама по себе ещё не означает слабого распространения новой веры.

Получается важная асимметрия. Найденная вещь подтверждает своё присутствие; ненайденная может отсутствовать по разным причинам. Её не положили в могилу, сняли прежде погребения, она не сохранилась или человек вообще ею не владел. Решение о вере умершего требует рассмотрения комплекса признаков, а не одного пустого места, на которое современному наблюдателю хотелось бы поместить крестик.

Новое имя и прежний страх

Крещение делало человека участником новой религиозной истории, но не устраняло поводов тревожиться. Дети продолжали болеть, огонь угрожал дому, дорога могла закончиться потерей. Христианская жизнь предлагала обращение

к святым, покаяние, молитву, участие в общине. Рядом сохранялось желание получить более определённый ответ: назови виновного, дай средство, пообещай возвращение.

Из этого не следует, что вся практическая вера была замаскированным язычеством. Подобное заключение превратило бы любые просьбы о земной помощи в нечто нехристианское по определению. Гораздо существеннее различать положение человека: он может просить, не считать себя вправе требовать и одновременно надеяться очень сильно. Напряжение появляется тогда, когда неопределённый исход объявляют гарантированным следствием формулы или предмета.

В дальнейших главах это различие станет видно на записях и вещах. Они не рассказывают историю двух герметичных миров, случайно перемешанных после княжеского решения. Они показывают людей, которые строили собственную жизнь уже внутри изменившейся среды. Одни действия были хорошо согласованы с церковным порядком, другие вызывали осуждение, третьи оставались спорными. Именно там, где требовалось провести границу, возникало особенно много слов.

В долгой перемене мира люди учились новым именам и новым различиям. Прошлое не исчезало целиком, а настоящее не состояло из одних пережитков. В следующей главе мы увидим редкий предмет, где сложность этой встречи помещается на небольшом куске бересты.

Глава 7. Как устроен заговор

Новгородская грамота № 734 невелика по объёму, но чрезвычайно выразительна. Её датируют XII веком; это заговор с именем Сихаила. В тексте повторяются имя и слово «ангел»; часть чтения остаётся не вполне ясной.

Перед нами реальная письменная вещь, а не поздняя стилизация. Она позволяет приблизиться к практике значительно точнее, чем общая фраза о «древней магии слова». Но даже здесь не все вопросы решены. Кто написал? Кто пользовался? Как соотносились запись и произнесение? Что понимал сам владелец?

Короткая просьба и длинная легенда

Слово «заговор» объединяет разные по устройству тексты. Один похож на краткую просьбу, другой разворачивает повествование; где-то перечисляют имена, где-то описывают образец желаемого состояния. Это не единая молитвенная книга, написанная неизвестным автором в определённом столетии. Перед нами способы организовать речь в ситуации, когда обычного объяснения и обычного действия человеку недостаточно.

Полезно начать с различия между сообщением и обращением. Сообщение о боли может быть правдивым независи-

мо от того, кто его услышал. Обращение предполагает адресата: того, кто должен ответить или вмешаться. В заговоре этот адресат может находиться за пределами видимого окружения, но получает имя, титул, поручение. Отсутствующая помощь вводится в настоящее время речи.

Михей которого просили избавить от трясовицы

Новгородская грамота № 715, найденная на Михаилоархангельском раскопе, сохранилась целиком. Её условно датируют 1220–1240 годами; другие способы датирования дают более широкие пределы. В ней названы тридевять ангелов и архангелов, раб Божий Михей и молитвы Богородицы. Просьба направлена против лихорадки, обозначенной словом, связанным с трясением.

Этот маленький документ удерживает личное имя внутри христианского обращения. Болезнь не описана как отвлечённая задача мудреца: помощи просят определённому человеку. Вместе с тем краткость оставляет неизвестными обстоятельства. Нельзя уверенно восстановить ни тяжесть состояния Михея, ни его дальнейшую судьбу, ни роль владельца записи. Грамота сохраняет просьбу, а не медицинскую историю.

Текст также помогает не противопоставлять автоматически «народное» и «христианское». Ангелы и Богородица не

добавлены в современную стилизацию ради красивой смеси. Они находятся в средневековой записи. Историческая задача — понять её место в практике, а не очистить её от неудобной для выбранной схемы стороны.

Отсюда возникает и вопрос о названии. Исследовательское обозначение «заговор-молитва» сохраняет пограничность. Оно не утверждает, будто средневековый исполнитель пользовался нашей классификацией. Внешне сходные обращения могли оцениваться по-разному в зависимости от того, кто их читал, где хранил и к какому порядку помощи относил.

Рассказ прежде приказа

Иное устройство видно в грамоте № 930 с Никитинского раскопа. Её условная дата — 1400–1410 годы с возможным смещением; документ дошёл фрагментарно. Это текст против лихорадки, связанный с «Сисиниевой легендой». В сохранившемся повествовании названы Сисиний и Сихаил, Синайские горы и море; из взволновавшейся воды выходят семь простоволосых женщин. Их схватывает сила невидимого царя, после чего следует вопрос о том, откуда они идут.

Болезнь здесь помещена в историю встречи и подчинения. В сравнении с краткой просьбой о Михее меняется способ добиться желаемого: сначала рассказывается событие, внутри которого опасность уже получила действующих против

неё противников. Слушателю предлагают не только пожелание, но и образ порядка, где разрушительная сила может быть остановлена.

Фрагмент не позволяет дописать утраченные строки по своему вкусу. Вариант легенды в другом источнике способен помочь сравнению, но не вернуть автоматически именно этот конец. Такая осторожность существенна для самой формы рассказа. Мы знаем его начало и не знаем всего, что должен был услышать средневековый слушатель.

Два документа показывают, почему составлять один «правильный древнерусский заговор» было бы ошибкой. Краткая персональная просьба и развёрнутая легенда могут служить близкой нужде, но делают это разными средствами. История жанра состоит не из постепенного удлинения одной формулы, а из сосуществования разных речевых решений.

Имя которое надо повторить

Повторение выделяет слово из обычной речи. Одно обращение можно произнести мимоходом; несколько одинаковых обращений создают ритм и ощущение установленного порядка. Для участника значение может заключаться в числе повторов, в точности имени, в авторитете текста. В одних записях особенно берегут точное имя, в других — число повторов или порядок обращения.

Имя в магической или религиозной формуле может вос-

приниматься как способ обратиться к определённому существу и одновременно как часть действующей записи. Особенную убедительность иногда придаёт его непонятность: чужой язык или непривычная форма обещают доступ к особому знанию.

При передаче возможны искажения. Переписчик не вполне понимает услышанное, но стремится сохранить звучание. Поздний исполнитель считает именно унаследованную форму правильной. Так ошибка с точки зрения первоначального языка может стать обязательной частью местной практики.

Словесная дорога

В других заговорных текстах действие разворачивается как путешествие. Говорящий выходит из повседневного пространства, достигает особого места и встречает того, кто может помочь. Море, остров, камень, дерево образуют не географическую инструкцию, а пространство, в котором просьба получает авторитет.

Такая дорога делает бессилие временным. В начале текста человек находится рядом с болезнью или опасностью, в дальнейшем — возле силы, способной восстановить порядок. Возвращение к собственному имени и нужде соединяет удалённое событие с настоящим моментом исполнения.

Знакомая композиция позволяет учиться и помнить. Слова могут варьироваться, но последовательность поддержи-

вает рассказ. Подобно песне, заговор существует не только в единственной буквальной версии: исполнитель знает, как продолжить, даже если отдельное место забыто.

Как сравнение превращают в действие

Один из выразительных приёмов — связать желаемое с явлением, которое кажется несомненным. Неподвижный камень, погасший огонь, разошедшиеся пути становятся образцами для другого события. Текст как будто переносит их порядок на непослушное состояние.

Для понимания этого приёма не требуется сочинять новый «старинный» текст. Важно заметить саму последовательность мысли: сначала называется состояние, кажущееся устойчивым, затем его свойства переносят на нуждающегося в помощи. Сходство здесь не украшение после сообщения. На него возлагают задачу соединить образец и желаемый исход.

Другой способ — приказ. Болезнь получает имя и направление: покинуть, отойти, отправиться туда, где она не повредит человеку. Это преобразует бесформенное страдание в собеседника, к которому можно обратиться. История речевой практики помогает понять убедительность такого действия, но сама не подтверждает его лечебного результата.

Исполнитель и слушатель

На бумаге два текста могут быть похожи, а в жизни переживаться совершенно по-разному. Имеют значение голос, место, отношения, ожидание, присутствие близких. Человек, которому уделяют внимание, может успокоиться; тревожное внушение может, наоборот, усилить страх. Эти реальные эффекты не следует ни отрицать, ни превращать в подтверждение любого обещанного исцеления.

Иногда заговор читает сам страдающий. Иногда — признанный специалист. Во втором случае слово подкрепляется репутацией. В первом человек получает возможность действовать собственными силами. Различие влияет на зависимость, оплату, передачу текста.

Завершение формулы часто закрепляет результат: слово объявляется прочным, недоступным изменению. Это понятно в ситуации, где сам исход остаётся неопределённым. Речь предлагает твёрдую точку раньше, чем её предоставила жизнь.

Зачем слову нужна вещь

Устное исполнение заканчивается, запись остаётся. У неё есть собственные возможности: её можно перечитать, передать, сверить, скрыть. Но предмет может участвовать в дей-

ствии и без очередного чтения, если владелец считает существенным само присутствие написанных слов. Так текст становится не только сохранённой речью, но и вещью с предполагаемой защитной силой.

Эти способы обращения нельзя устанавливать по одному материалу носителя. Береста сама по себе не означает ни бедности содержания, ни простоты веры. Она сообщает, на чём писали. Если документ не содержит сведений об употреблении, исследователь не должен превращать всякую короткую запись в носимый амулет. Иногда возможность остаётся возможностью.

Между памятью и записью существует и другое различие. Исполнитель может помнить звучание, но не уметь объяснить отдельное имя. Переписчик может точно скопировать буквы, не зная обстоятельств произнесения. Последующий владелец способен понять текст иначе, чем человек, у которого его получил. Передача сохраняет слова и одновременно меняет отношения вокруг них.

Поэтому «неизменность традиции» — не единственный способ описать ценность унаследованного. Для участника важно, что слова пришли от доверенного человека. Для историка важно также, каким путём они пришли. Семейное происхождение, рукописная тетрадь и печатная книга создают разные основания авторитета, хотя на последней ступени формула может звучать сходно.

Когда отдельные слова собирают в книгу

В 1869 году в Петербурге были изданы «Великорусские заклинания» Леонида Николаевича Майкова. Сборник был напечатан в типографии Майкова. Его появление отмечает новую судьбу подобных текстов: произносимое в частной ситуации становится материалом для чтения, сопоставления и научного описания.

Меняется аудитория. Человеку, ищущему помощи, нужен определённый результат; читатель сборника может интересоваться языком, образами, сравнением областей. Меняется и окружение фразы. В живом действии рядом находятся больной, исполнитель, предметы и правила поведения. На странице рядом оказываются другой текст, номер, заголовок, примечание. Сборник делает невидимыми одни отношения и создаёт другие — между вариантами и рубриками.

Такое изменение не делает публикацию бесполезной. Напротив, без записей многое исчезло бы. Но оно объясняет, почему книга заговоров не является прозрачным окном в один древний обряд. Читатель видит материал, прошедший через собирание и редакцию. Вопрос о том, что было записано дословно, а что передано в пересказе, становится частью чтения.

В дальнейшем печатная страница сможет вернуться в

практику. Человек выпишет понравившиеся слова в тетрадь, запомнит их, передаст знакомому. Тогда исследователь встретит устный текст с книжной предысторией. Устное не обязательно древнее печатного, а напечатанное не обязательно чуждо местному опыту. Жизнь слов проходит через носители в обоих направлениях.

Не только тайна смысла

Заговор легко представить как набор загадочных символов, которые нужно расшифровать. Однако иногда самое существенное находится не в тайном значении камня или числа, а в отношениях между людьми. Кто имеет право сказать эти слова? Можно ли исполнить их для себя? Нужно ли благодарить? Кто решит, что попытка удалась? Текст без ответов на такие вопросы остаётся только одной стороной действия.

Для человека, столкнувшегося с бедой, установленная речь может задавать последовательность там, где всё кажется расстроенным. У неё есть начало, адресат, просьба, завершение. Она превращает ожидание в занятие, которое можно выполнить. Этот человеческий смысл объясняет часть устойчивости практики, не давая оснований обещать, будто слова устраняют болезнь или изменяют внешние события сами по себе.

Из древнерусских записей нельзя сделать вывод, что каж-

дый житель Руси пользовался такими текстами. Зато они не позволяют объявить их целиком поздней выдумкой. Между этими двумя крайностями находится предмет настоящей истории: определённые слова на определённом носителе, оставшиеся от людей, о которых мы знаем гораздо меньше, чем хотелось бы.

Грамота № 734 напоминает о другой прочности — материальной. Кора сохранила то, что голос давно утратил. Сегодня мы читаем повторённое имя, не зная всех обстоятельств его употребления. Даже эта неполнота драгоценна: перед нами след конкретной попытки помочь, а не безымянная вечная тайна.

Глава 8. Святые в повседневной жизни

Имя святого в домашнем разговоре звучит иначе, чем в богословском трактате. Его произносят возле больного, перед дорогой, в рассказе о спасении. Большая религиозная история приближается к человеку через конкретную нужду.

При этом нужда не исчерпывает веры. Молитва может означать доверие, благодарность, покаяние, память. Если смотреть только на желаемую пользу, легко превратить всякую религию в набор способов добиться результата. Историческое описание должно оставлять участнику возможность понимать своё действие шире.

Пятница и женская работа

В народных представлениях Параскева Пятница связывалась с женскими занятиями, в том числе прядением и ткачеством. С ней связывали запреты на определённую работу и рассказы о последствиях нарушения. Здесь встречаются календарь, религиозное имя и ритм домашнего труда.

Чтобы почувствовать значение прядения, стоит вспомнить сам процесс изготовления ткани. Одежда не появляется после одной покупки. Волокно проходит подготовку, превращается в нить, затем в полотно. Работа требует времени

и повторяющихся движений; её можно делать в помещении, совмещая с разговорами и уходом за другими.

Запрет на работу вмешивается в этот постоянный труд. Он определяет, когда следует остановиться, и предлагает авторитет для остановки. В рассказе сверхъестественное наказание делает правило обязательным даже тогда, когда домашняя нужда побуждает продолжать.

Но функциональное объяснение не исчерпывает верования. Для носителя традиции Пятница может быть реальным священным присутствием, а не придуманным средством организовать выходной. Исследователь вправе наблюдать общественную функцию, не объявляя её единственным скрытым замыслом участников.

Лошадиный праздник

Почитание Флора и Лавра особенно тесно вошло в заботу о лошадях. Их праздник был связан с освобождением животных от тяжёлой работы, кормлением овсом, расчёсыванием грив и хвостов, украшением лентами. В ряде мест устраивали молебен с окроплением собранного табуна. В черноземных губерниях икону покровителей могли помещать в конюшне над яслями.

В этом случае просьба соединяется с уходом так близко, что одни только слова «магический обряд» скрывают существенную часть события. Животное получало корм и отдых,

хозяин тратил время на его состояние. Для семьи лошадь была участником хозяйства, от которого зависело выполнение множества работ. Религиозное обращение существовало рядом с этой зависимостью, а не вместо неё.

Житийная и местная повествовательная жизнь святых тоже могли различаться. У орловских крестьян записан рассказ о братьях, которые рыли колодцы и оказались под обвалившейся землёй; появившаяся вода помогла ослабевшей лошади. Сюжет приближает святых к понятной среде: работа, бедствие, колодец, животное, которое стало поправляться. Это содержание предания, не устанавливаемая нами биография.

Такое приближение не обязательно воспринималось как отказ от церковного почитания. Рассказчик мог искренне видеть в местном повествовании объяснение того, почему святому следует молиться. Житийный рассказ, услышанное на богослужении и соседское предание встречались в памяти одного человека.

Никола заглядывает в амбар

Николай Угодник в народной традиции не ограничивался одной узкой нуждой. Его почитали как скорого помощника и заступника, к которому обращались в разных бедах. С зимним праздником связывалось представление о святом, обходящем дворы и заботящемся, чтобы амбары и погреба не

пустовали. В Смоленской губернии во время общего угощения мёдом могли изготовлять мирскую свечу из оставшегося воска; северные Никольщины включали совместную трапезу, для которой собирали средства в складчину.

Здесь особенно заметна связь частной нужды с устройством общины. Достаток семьи касается конкретного дома, но праздничное действие требует совместного участия. Нужно договориться о вкладе, приготовить, собрать людей. Общая свеча делает объединение материальным: отдельные доли становятся одной вещью, предназначенной для общего обращения.

Такие действия позволяют увидеть религиозный праздник без выбора между двумя крайностями — исключительно личной верой и исключительно общественным принуждением. В нём могли присутствовать искренняя молитва, радость встречи, обязанность поддержать соседей и опасение оказаться уклоняющимся. Один участник мог переживать несколько этих чувств одновременно.

Если свести всё к просьбе об урожае, исчезнет общий стол. Если увидеть только стол, исчезнет адрес молитвы. История повседневной религии требует сохранить их рядом, не объявляя одну сторону лишь прикрытием другой. Для живущих внутри обычая связь могла быть очевидной и не нуждаться в теоретическом объяснении.

Илья меняет лето

Ильин день выступал в народных представлениях границей летнего времени, в частности времени купания. Существовало несколько объяснений запрета. В ярославском варианте небесная лошадь Ильи теряет подкову и остужает воду. В новгородском говорится об олене, переплывшем реку; в пермских записях появляется олень или медведь, опустивший лапу. В Белозерье опасность связывали с осквернившим воду нечистым существом.

Вместо одного древнего мифа перед нами несколько способов сделать сезонную перемену зримой. Холод получает событие и действующее лицо. То, что трудно обозначить по точной дате в отдельном году, связывается с общим календарным именем. Календарь становится языком разговора о природе, хотя погода не обязана каждый раз подчиняться названному дню.

Рассказ о подкове важен ещё одним пересечением. Христианский пророк движется в образном мире, где есть дорога, лошадь, вода и потерянная вещь. Большое небесное действие оказывается соизмеримо со знакомой хозяйственной подробностью. Это не позволяет автоматически восстановить древнейшее происхождение каждого мотива, но показывает работу воображения на уровне конкретного рассказа.

Общий запрет не требует единственного объяснения для всех мест. Он может сохраняться, пока меняется ответ на вопрос «почему». Иногда именно устойчивость правила создаёт ощущение, что столь же устойчивым было и его толкование. Сопоставление региональных вариантов позволяет заметить различие: одинаковое поведение ещё не означает одинаковой истории о нём.

Покровительство и замещение

Сходство функций часто вызывает желание построить прямую линию от языческого божества к христианскому святому. Подобные связи могут быть предметом исследования. Однако одинаковая забота о скоте, погоде или женской работе сама по себе ещё не доказывает замещения.

Люди любой эпохи обращаются за помощью в важных для них занятиях. Потребности могут сохраняться при перемене религии, а объяснение — возникать заново. Для уверенного вывода нужны последовательность свидетельств, местная история, особенности языка и образа.

Иначе получается замкнутый круг: сначала святому приписывают «языческую» функцию, затем по наличию этой функции доказывают его языческое происхождение. Такой способ не добавляет независимых оснований.

Чудо в соседней деревне

Местный рассказ сближает святыню и биографию. Событие произошло не в далёкой стране, а на знакомой дороге; помогли человеку, чью семью знают; вещь можно увидеть. Эта близость делает рассказ особенно убедительным.

При передаче история меняется. Случайное улучшение может получить определённую причину, сложная последовательность — сократиться до одного действия, разные люди — соединиться в одного героя. Исследователь не должен заранее обвинять рассказчиков в сознательной лжи: память и повествование работают сложнее.

Разделить можно то, что человек пережил, то, как он объяснил пережитое, и то, что позднее стало общим рассказом. У каждого слоя собственная история. Сам факт почитания святыни подтверждается посещением и предметами; происхождение приписанного ей чудесного свойства требует другого рассмотрения.

Просьба и договор

Обет вводит в отношения с будущим обещание. Человек намерен сделать что-то в благодарность за благополучный исход. Действие может быть религиозно осмысленным и добровольным; в бытовом толковании оно иногда приближается

к представлению об обмене с обязательным результатом.

Разница проявляется особенно ясно при неудаче. Одни принимают её как исход, который не подчиняется человеческому желанию. Другие ищут ошибку исполнения, подозревают нарушение обещания, обращаются к новому посреднику. Так одна беда способна породить целую цепь действий.

Церковный автор может осуждать использование святыни как автоматически действующего предмета, не отвергая молитву о той же нужде. Для понимания этой позиции необходимо услышать различие, а не записать оба действия в одну колонку «магия».

Не перечень услуг

В популярной книге легко построить удобную таблицу: этот святой отвечает за животных, другой за ткань, третий за дорогу. Для первоначального знакомства она бывает полезна, но быстро начинает искажать предмет. Обращение к Николаю не запрещало молиться другим святым, а забота о лошадях не исчерпывала рассказов о Флоре и Лавре. Живое почитание не обязано совпадать с распределением должностей.

Семья могла иметь особую привязанность к образу по собственным причинам: он достался от родителей, связан с именем человека, сопровождал трудную дорогу. История такого предмета становилась историей отношений, а не толь-

ко выбором по нужной «специализации». Без этой стороны трудно понять, почему одну икону берегут особенно, хотя в соседнем доме столь же почитаемый образ выглядит иначе.

Наконец, религиозное действие не всегда стремится изменить внешний ход событий. Можно благодарить за уже совершившееся, помнить умерших, признавать собственную вину. Эти формы нельзя исключать из картины только потому, что книга посвящена магии. Как раз их присутствие помогает понять, где ожидание помощи превращается в требование гарантированного исхода — и почему это превращение вызывает споры внутри самой религиозной среды.

В домашнем религиозном мире живут и страх, и надежда, и благодарность. Книга о магии касается его тогда, когда люди приписывают определённой процедуре особую обязательную силу или спорят о праве обращаться за помощью. Сам святой при этом остаётся для верующего личностью, а не названием услуги.

Глава 9. Запретные книги

Тетрадь не обязана быть большой, чтобы изменить отношение к владельцу. В ней несколько понятных строк, несколько непонятных имён и указание, когда читать. Для одного это полезная запись; для другого — признак опасного знания.

Рукописные сборники могли соединять тексты разного назначения. Граница между молитвой, лечебным советом, предсказанием и записью для памяти проходила не так, как отделы современной библиотеки. Человек собирал то, что считал нужным, а не материал для будущей классификации.

Письменное слово как вещь

Запись можно не только читать. Её можно носить, хранить в определённом месте, передавать другому. В таком употреблении письмо становится предметом действия. Владелец может не уметь свободно прочесть всё содержимое, но доверять его происхождению и назначению.

Это не означает, что всякий неграмотный человек воспринимал книгу как чудо. Практический опыт обращения с письмом существовал в разных формах: диктовка, чтение вслух, помощь посредника. Но особенная запись могла получать дополнительную репутацию именно из-за ограничен-

ного доступа к её содержанию.

Научные исследования берестяных грамот рассматривают такие тексты в связи с книжной и устной традицией. В частности, обсуждается возможность употребления небольших письменных формул как носимых охранительных предметов. Здесь важно не путать сам факт существования текста с окончательно установленным способом его применения.

Что считают запретным

Запрет относится не только к словам, но и к обещанному способу знания. Предсказание по случайным признакам, обращение к неподобающим силам, использование формул вне признанного порядка могут оцениваться как нарушение. Конкретные границы меняются в зависимости от времени и религиозного контекста.

Поэтому слово «отреченный» не превращает разнородные сочинения в единую тайную библиотеку. Одни тексты встречались часто, другие известны по немногим спискам. Упоминание названия в запретительном перечне ещё не доказывает наличия соответствующей книги у каждого обвинённого.

Бытовая рукопись также может содержать текст, который переписчик не исполнял. Его могли сохранить из любопытства, как памятный образец, для опровержения или по привычке переписывать сборник целиком. Чтобы говорить о

практике, нужны дополнительные сведения.

Гром превращается в строку

У гадательной литературы существовали разные способы получать ответ. Одни сборники толковали знамения, другие требовали жребия либо вычислений. «Громник» соотносит гром с предсказаниями о погоде, урожае и общественных событиях. «Лунник» распределяет значения по лунному времени, включая представления о благоприятных и неблагоприятных днях. «Колядник» связывает ожидания с тем, на какой день недели приходится Рождество или начало года. «Трепетник» обращается к непроизвольным движениям тела.

Здесь будущее читают через разные часы: небо, календарь, собственное тело. Человек слышит гром, замечает движение мышцы, узнаёт день недели — и получает возможность найти соответствующую запись. Происшествие становится указателем на текст.

Такой способ обращения к миру не требует каждый раз нового вдохновенного посредника. Книга обещает уже собранное знание. Но оно по-прежнему нуждается в истолковании: какой именно знак наблюдался, к кому относится ответ, когда ждать исполнения? Простая форма справочника не отменяет участия читателя. Она лишь переносит часть авторитета от говорящего человека к записанной последова-

тельности.

Когда название наконец получает текст

История книги «Рафли» показывает важное различие между известным названием и доступной рукописью. Название встречалось в запретительных перечнях XVI века, включая «Стоглав» и «Домострой», тогда как само сочинение долго оставалось малоизвестным. Его текст был опубликован в 1985 году.

Это меняет возможность разговора. Пока известен только запрет, исследователь слышит преимущественно голос запрещающего. Найденный текст позволяет посмотреть, чем могла привлекать сама книга, как в ней строился ответ и что требовалось от пользователя. Осуждённое сочинение перестаёт быть одним пустым местом в чужом перечне.

Однако и появление текста не делает все списки одинаковыми. Рукописная книга существует в копиях, дополнениях, переделках. Дата отдельного списка не равна ни дате возникновения названия, ни возрасту каждого включённого фрагмента. Поэтому опубликованная рукопись — точка входа в историю передачи, а не волшебный ключ к единому неизменному оригиналу.

Почему книга отвечает даже молча

Механизм книжного предсказания особенно ясно виден в случайном выборе фразы. Перед человеком возникает ограниченный текст, а вокруг него — практически неограниченная жизнь. Слова о дороге можно связать с путешествием, переменой работы, приездом родственника или самим поиском ответа. Чем меньше указано проверяемых обстоятельств, тем больше путей для соответствия.

Но для читателя неопределённость может выглядеть не слабостью, а глубиной. Если смысл не ясен сразу, возможно, он откроется позже. Так срок проверки отодвигается. Дни приносят события, и одно из них наконец даёт подходящее толкование. Человек переживает встречу фразы и жизни как узнавание: теперь понятно, о чём говорила книга.

Этот ход не делает каждый подобный опыт пустым. Случайная строка способна действительно побудить к размышлению, помочь назвать страх, заставить взглянуть на трудное решение иначе. Но побуждение к мысли и получение сведений из будущего — не одно и то же. История гадательной книги включает оба человеческих ожидания, даже когда участник их не разделяет.

Ошибка которая становится тайной

Рукопись передаётся через труд. Плохое освещение, повреждённый образец, непонятное сокращение меняют запись. Одно имя превращается в другое, пропущенное слово перестраивает смысл, несколько частей соединяются.

Поздний владелец может не знать об этом. Для него унаследованная форма авторитетна. Чем менее понятна строка, тем легче объяснить трудность особым, закрытым для непосвящённых содержанием. Так обычная ошибка передачи способна получить сакральное продолжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.